

Нет! Он должен вернуть себе лицо!

Лу Юань вдруг стал спокойным и уверенным.

— Помоги мне снять это.

— Хорошо.

Ли Цун снял с него бирки и налил большую миску ароматного куриного супа.

— Попробуй, я долго варил. Горячо, подуй немного.

Лу Юань понял, что образ младенца уже прочно засел в голове у Ли Цуна. Ну и ладно, после ужина все станет ясно!

Лу Юань взял ложку, зачерпнул немного супа и вытянул губы в форме бутона.

— Фууу~

Ложка была небольшой, и суп остыл после двух дуновений.

Лу Юань сделал глоток, и его глаза сразу загорелись.

— Ты отлично готовишь!

Ли Цун улыбнулся, но ничего не сказал.

Лу Юань тоже не хотел говорить. Он съел две большие миски риса и доел весь суп, наелся до отвала и только тогда остановился, развалившись на белоснежном диване и наблюдая за тем, как Ли Цун моет посуду.

Какая же это райская жизнь.

Поговорка «Сравнение — вор радости» действительно верна. По сравнению с Ли Цуном, Чэн Юйсинь казалась просто недостойной.

Лу Юань уже забыл о своей симпатии к Чэн Юйсинь и всех тех сладких фантазиях.

— Хочешь фруктов? — спросил Ли Цун, закончив с посудой.

— Нет, я только начал переваривать. Seriously, ты мог бы быть поваром, а не врачом! Особенно этот суп...

Лу Юань хотел продолжить хвалить, но вдруг вспомнил о пациенте Ли Цуна.

«Черт! Он что, раньше каждый день варил ему суп?»

Лу Юань всегда был прямолинеен, и, если у него возникал вопрос, он задавал его. Ответ Ли Цуна его сильно расстроил.

— Да.

— Блин.

Сытость пробуждает желания, и, ругая его, Лу Юань подумал о чем-то другом. Ведь последний

раз он удовлетворял свои потребности, когда приезжал Шэнь Мулинь. Как здоровый мужчина, он уже давно не расслаблялся.

— Ты... подойди сюда.

Ли Цун послушался.

— Что случилось?

Лу Юань приблизился к нему и, не стесняясь, высказал свою просьбу.

Ли Цун поднял бровь.

— Ты действительно не церемонишься.

— Ну а что тут такого? Это же нормально. — Лу Юань схватил его руку и торопил. — Давай же.

— ...Ты еще с кем-то так делал?

Лу Юань ответил:

— С моим другом детства. Но он такой противный.

Рука Ли Цуна легла на его тело, и он тихо спросил:

— Почему ты так говоришь.

Казалось, Лу Юань наконец нашел того, кому можно выговориться, и он тут же начал жаловаться.

— Ты даже не представляешь, у него есть девушка... ну, не совсем девушка, будущая девушка. Он ради нее хранит верность и постоянно просит меня помочь ему. Он использует меня как женщину, это просто бесит. В прошлый раз я даже на него злился.

— Использует тебя как женщину?

Лу Юань не заметил, как лицо Ли Цуна потемнело, и, похлопывая себя по груди, продолжал жаловаться:

— Он лижет меня здесь, даже кусал, говорит, что это похоже на женскую грудь. Это же грудные мышцы, черт возьми!

— Лу Юань.

— Мм?

— Раньше я думал, что ты просто незрелый. — Ли Цун говорил так мягко, что Лу Юань даже подумал, будто образ младенца вот-вот исчезнет из его головы, и он наконец увидит его по-новому.

Однако иллюзия осталась иллюзией.

Ли Цун нахмурился и, смотря на Лу Юаня с крайним неодобрением, сказал:

— Теперь я понял, ты не просто незрелый. Ты, блин, глупый.

Лу Юань совсем не ожидал такого и не был к этому готов. Он замер на несколько секунд, прежде чем пришел в себя, и его взгляд вдруг стал злым.

К сожалению, Лу Юань был обладателем милого круглого лица. Он прикусил нижнюю губу, обнажив два передних зуба, брови сдвинулись в форме перевернутой восьмерки, и, как бы злобно он ни смотрел, это было похоже на маленького тигренка, который только научился бегать. Вместо того чтобы пугать, он вызывал желание взять его на руки и покормить из бутылочки.

Ли Цун именно так и подумал. Он понял, что сам глуп, если слишком серьезно относится к Лу Юаню.

Однако Лу Юань был чуть более опасен, чем тигренок на грудном вскармливании.

Он, который до этого лежал на боку, вдруг поднялся, одной ногой уперся в пол, а коленом другой встал на диван и изо всех сил толкнул Ли Цуна.

— Скажи это еще раз, если не боишься!

Ли Цун от толчка отклонился, и его спина ударилась о деревянный подлокотник.

— Ссс...

Лу Юань хотел, чтобы Ли Цуну было больнее, еще больнее. Он даже представлял, как тот падает на пол, а он наступает на него ногой. Такие мысли показывали, насколько сильно его задело слова Ли Цуна.

Называть его глупым могли дедушка, тетя, мама и папа. Брат... брат тоже мог, хотя это было сложнее принять. Но Ли Цун, который должен был ему угождать, потому что получал от него деньги, не имел права так говорить! И еще добавил «блин»!

Он сам хотел ругаться, но сдержался!

Лу Юань злился все сильнее, обида накапливалась. Он схватил пульт от телевизора, крепко сжал его в руке и бросился на Ли Цуна, прижав его плечи к дивану.

— Извинись!

Если Ли Цун не извинится, Лу Юань ударит его пультом по лбу. Это будет больнее, чем кулаком.

В основном потому, что ударяя кулаком, он сам бы почувствовал боль.

Ли Цун лежал под ним, его спина все еще давила на деревянный подлокотник, и боль не утихала, будто вот-вот его позвоночник сломается.

Но Ли Цун, глядя на лицо Лу Юаня, на его гневные черные глаза, вдруг улыбнулся.

— Ты не хочешь узнать, почему я назвал тебя глупым?

— Нет! Извинись! Ты слышишь меня? Извинись!

— Хорошо, извини. Прости. — Ли Цун поднял руку и легонько похлопал его по пояснице, пальцы задержались на пару секунд в ямочке. — Слезь, ладно?

Его голос был таким мягким, что Лу Юань, как слабак, захотел его простить.

Ладно.

Мужчина должен быть великодушным, как корабль в море.

Лу Юань поднялся, соскользнул с его ног и недовольно фыркнул.

— Говори, почему ты меня обозвал. Если причина меня не устроит, на этой неделе денег не получишь.

Ли Цун, черт возьми, действительно сэкономил ему деньги, потому что причина, которую он назвал, была для Лу Юаня неприемлемой.

— Ты действительно не замечаешь, что твой друг детства испытывает к тебе недвусмысленные чувства?

— Ты несёшь чушь! Вы, геи, что, всех мужчин считаете геями?

В такой ситуации Ли Цун рассмеялся.

— Разве ты не гей?

Лу Юань решительно отрицал.

— Я не гей! Я просто вдруг влюбился в тебя.

— ...

— ...

Оба на мгновение замолчали и одновременно отвернулись друг от друга.

Наконец, Ли Цун нарушил эту напряжённую тишину.

— Лу Юань, даже если тебе это неприятно, я должен сказать, что испытывать желание к человеку своего пола — это то, что настоящий гетеросексуал не может сделать. Как и ты, этот человек наверняка...

— Наверняка что? Почему ты замолчал?

Ли Цун пододвинулся ближе, как будто предлагая обсудить это спокойно.

— Я сказал, ты все равно не поверишь, так что лучше проверь сам.

Лу Юань, глядя на него своими большими наивными глазами, с недоумением спросил:

— Проверить? Как?

— Позвони ему и скажи, что влюбился в мужчину. Посмотри, как он отреагирует.

Лу Юань посмотрел на него, как на сумасшедшего.

— Ты что, шутишь? Как я могу ему такое сказать!

Ли Цун, с мягким, но соблазнительным голосом, сказал:

— Почему нет? Разве ты не хочешь узнать, обманывает он тебя или нет?

Лу Юань задумался.

Но его волновало не то, обманывает ли его Шэнь Мулинь. Его волновало, соответствуют ли персонажи в романе их изначальным характеристикам.

Если... если Шэнь Мулинь действительно гей или бисексуал, то его глубокая и неизменная любовь к Чжоу Сихэ перестает существовать. Если это не так... то, возможно, другие перемены тоже возможны.

...

Время в стране — девять утра.

В SIL начиналось еженедельное собрание.

Шэнь Мулинь сидел в кресле, просматривая данные, предоставленные отделом разработки, и легонько постукивал пальцами по столу. Впервые за долгое время на его лице появилась легкая улыбка.

<http://bllate.org/book/16406/1486234>